

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 311.1

Алиева Райсат Магомедовна**КОНЦЕПЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ**

В статье приводятся результаты теоретического анализа социологических концепций и интерпретаций человеческого потенциала, выявляются соотношения, устанавливаемые их авторами между понятиями «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», дается авторская дефиниция понятия «человеческий потенциал».

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, теория, концепция, интерпретация, дефиниция.

Alieva Raysat M.**CONCEPTS AND INTERPRETATION OF HUMAN POTENTIAL IN SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE**

The article offers a view on the outcomes of a theoretical analysis of sociological concepts and interpretations of human potential; there is a view on the balance that the authors impose on the ideas of “human potential” and “human capital”, as well as they provide their own definition of the term “human potential”.

Key words: human potential, human capital, theory, concept, interpretation, definition.

Прежде чем анализировать социологические концепции и интерпретации человеческого потенциала, коснемся понятия, в соотношении с которым зачастую он рассматривается, а именно понятия «человеческий капитал». В социологическом знании теория человеческого капитала обязана работам П. Бурдьё, который расширил возможности применения понятий «капитал» и «рынок» относительно рассматриваемых до этого как нерыночные и не капитализируемые явления, институтов и процессов. Рассматривая индивида в качестве относительно свободного и творческого агента, реализующего те или иные практики, П. Бурдьё не лишает его определенной экономической заинтересованности и обусловленности, поскольку «экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям» [1].

Однако человеческий капитал в концепции П. Бурдьё не выделяется в отдельную форму капитала и включается в более общее понятие «культурный капитал». Как самостоятельная форма капитала человеческий капитал рассматривается в теории рационального выбора Дж. Коулмана и исследованиях рынка труда М. Грановеттера. По мнению В. В. Радаева, «в отличие от культурного капитала, значительная часть которого воплощена в нерелексируемом практическом знании и телесных навыках, схватываемых общим понятием хабитуса (габитуса), в случае с человеческим капиталом мы имеем дело с рефлексивным знанием, имеющим логическую структуру» [10].

По мнению П. Бурдьё, любой капитал возможен в нескольких состояниях: 1) инкорпорированном; 2) объективированном; 3) институционализированном. Используя данные состояния капитала как критерии анализа, В. В. Радаев дает свое определение человеческого капитала: «В своем инкорпорированном состоянии человеческий капитал представляет собой совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход – в виде заработной платы, процента или прибыли... В вещной (объективированной) форме этот капитал существует в виде корпуса обучающих текстов и практик, призванных транслировать специфические знания и демонстрировать про-

цедуры выработки новых навыков. А в институционализированном состоянии он подкрепляется системой формальных сертификатов [credentials], включающих дипломы, разряды, лицензии, патенты, свидетельствующие о получении искомых знаний и навыков. Человеческий капитал непосредственно связан с социально-профессиональной стратификационной системой, в которой группы делятся по наличию образования и профессиональной квалификации, условиям и содержанию труда, образующими границы между профессиями и специальностями» [10].

Р. М. Нуреев также дает генерализированную социологическую интерпретацию данного понятия: «Человеческий капитал в широком смысле слова – специфическая форма капитала, воплощённого в самом человеке, это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и приносят ему доход в форме заработной платы или ренты. В его структуре обычно выделяют:

- природные способности;
- общая культура;
- знания общие и специальные;
- приобретённые способности, навыки, опыт;
- умение их применить в нужный момент и в нужном месте» [9]. Нельзя не отметить, что интерпретация Р. М. Нуреева лежит в русле экономического понимания данного явления, как капитализируемого и конвертируемого в некую прибыль и денежную форму.

Н. М. Римашевская дает следующую интерпретацию данного понятия: «Человеческий капитал – это интегральная сумма таких составляющих, как здоровье, знание, культура и свобода личности» [11]. Нельзя не отметить, что данное определение носит достаточно абстрактный характер и сближает его с понятием «человеческий потенциал».

Человеческие (трудовые) ресурсы представляют собой численность населения страны или региона и его демографические характеристики. Человеческий потенциал выражает максимально возможную реализацию способностей человека. Рабочая сила представлена совокупностью навыков к простому труду, не требующего специального обучения. Человеческий же капитал выступает экономической формой реализации человеческого потенциала и ресурсов в определенных исторических условиях и отраслях экономики» (см. рис.) [11].

Рис. Соотношение понятий «человеческие ресурсы», «человеческий потенциал», «человеческий капитал», «рабочая сила»

Ученые-социологи в свою очередь также пытаются осуществить коммодификацию и консьюмеризацию данного явления, но включают в его анализ и интерпретацию более широкий и вероятностный контекст, привязывающий человеческий капитал в большей степени к качествам личности и потенциам ее развития, а не к проявленным и капитализируемым свойствам. Таким образом, социологическая интерпретация и оценка в ряде случаев теоретико-методологически и движется по направлению от понятия «человеческий капитал» к понятию «человеческий потенциал».

По нашему мнению, психологические и экономические трактовки человеческого потенциала являются несводимыми в какую-то ни было синтетическую модель и выступают в качестве бинарных оппозиций, между которыми, согласно структуралистской методологии, можно попытаться обнаружить или сконструировать «модератора». В качестве адекватного направления конструирования функции модерации нам видится актуализация и развитие социологической рефлексии явления и понятия человеческого потенциала. Данная рефлексия позволит снять дихотомический характер разрыва между завуалированной попыткой отчуждения и капитализации человеческих качеств в рамках экономической теории человеческого потенциала и его абстрактным и трансцендентным по декларируемым источникам пониманием в рамках психологической науки.

Следовательно, актуальность социологического подхода в исследовании и интерпретации человеческого потенциала представляется очевидной. Однако имеющиеся концепции и интерпретации человеческого потенциала в отечественном социально-гуманитарном знании не отличаются значительным разнообразием.

Проблематика человеческого потенциала является объектом исследования группы ученых Института человека РАН под руководством Б. Г. Юдина [14].

Б. Г. Юдин считает, что ключом в анализе явления человеческого капитала является представление о самооценности человека. Понятие «человеческого потенциала» он рассматривает как интегральное по отношению к концепциям человеческого капитала и человеческих ресурсов: «В то же время и понятие «человеческий капитал» не давало интегрального представления о человеке как, с одной стороны, производительной силе и потребляющем агенте общества, а с другой – самооценном существе. Именно акцент на самооценности привел к оформлению концепции устойчивого развития и ключевого для него концепта (понятия) «человеческий потенциал» [13].

По мнению исследователя, человеческий потенциал формируется под влиянием как внутренних, эндогенных внутриличностных факторов, так и внешних экзогенных, детерминированных процессом социализации и интериоризации элементов культуры: «человеческий потенциал (индивида ли, некоторой социальной группы, популяции, страны...) будет величиной соотносительной, определяемой как характеристиками самого этого объекта – назовем их, с некоторой долей условности, внутренними, так и характеристиками – соответственно, внешними – того, что его окружает и с чем ему приходится взаимодействовать при совершении некоторой работы. Это важно иметь в виду постольку, поскольку человеческий потенциал индивида только отчасти представляет собой нечто данное ему от рождения – в значительной мере он формируется, развивается в процессах социализации личности. Это важно также и в том смысле, что и актуально имеющийся, сформированный у человека потенциал может раскрываться, реализовываться в разной степени в зависимости как от внешних условий, так и от самого индивида» [13].

Разбирая соотношение понятия «человеческий капитал» с близкими по содержанию понятиями Б. Г. Юдин предлагает следующую аналитическую конструкцию его дифференциации: «Наряду с этим имеет смысл расчленять понятие человеческого потенциала в соответствии с теми контекстами, в рамках которых оно используется при решении конкретных исследовательских задач. В частности, это понятие может быть представлено:

- в социально-организационном горизонте – как человеческие ресурсы,
- в экономическом горизонте – как человеческий капитал,
- в социально-экологическом – как жизненный потенциал (общая жизнеспособность),
- в рационально-технологическом – как интеллектуальный потенциал,
- в экзистенциальном, духовном – как личностный потенциал» [13].

Б. Г. Юдин соглашается с определенной научной и практической значимостью показателей человеческого развития, используемых ПРООН, но считает, что в России, «...имеет смысл использовать более развернутую совокупность характеристик человеческого потенциала, включающую:

- здоровье (телесное и душевное), обеспечивающее общую жизнеспособность человека;
- готовность к семейной жизни и воспитанию детей;
- знания и квалификацию;
- адаптированность к социальной инфраструктуре общества;
- культурно-ценностные ориентации и
- психологическую компетентность» [13].

В данной связи нельзя не согласиться с ученым, поскольку именно западнцентрический эгалитаристский характер индекса развития человеческого потенциала М. Уль-Хака, не учитывающий своеобразие тех или иных стран, является одним из основных направлений его критики.

Следующая группа ученых, занимающихся явлением и понятием человеческого потенциала, считают себя продолжателями работ И. Т. Фролова по антропологической проблематике. Именно данная группа ученых реализовала проект информационно-исследовательского портала «Человеческий потенциал России».

Как замечает представитель данного направления В. А. Луков, «...если от группы Б. Г. Юдина в теории человеческого потенциала идет обоснование состава признаков, которыми его следует характеризовать, то от группы ИФПИ – дифференциация носителей этого потенциала с учетом специфических социально-статусной и социально-ролевой атрибуции» [8].

Следует признать, что собственно интерпретации понятия «человеческий потенциал» являются слабой стороной данного исследовательского коллектива, сконцентрированного в большей степени на его измерении, критериях и показателях.

Так, по мнению В. А. Лукова, «понимание человеческого потенциала как совокупности качеств человека и общества, способных проявиться в благоприятных обстоятельствах или остаться скрытыми, если в них нет нужды, одинаково важно и для теоретического знания, и для практического управления делами государства и общества. ...Новое качество означенной концепции, которое возникает на пересечении двух научных подходов, состоит в рассмотрении человеческого потенциала как нерастрчиваемого богатства России, передаваемого новым поколениям. В этом ракурсе концепция человеческого потенциала еще не подвергалась проблематизации, структурированию, определению показателей и т. д.» [7].

В чем-то схожая интерпретация человеческого потенциала содержится в работах Н. М. Римашевской: «Главное богатство России – это ее человеческий потенциал, особый демографический генофонд, который отмечается ярко выраженной позитивной спецификой» [12]. Данная интерпретация носит эмоционально понятный характер, но с научной точки зрения не выдерживает никакой критики.

Е. А. Катайцева также дает определение, акцентированное на макро-общностном аспекте: «Человеческий потенциал нации – это интегральная форма многообразных явных и скрытых свойств населения страны, отражающая уровень и возможности развития ее граждан при определенных природно-экологических и социально-экономических условиях» [5].

В вышеперечисленных интерпретациях человеческий потенциал выступает как человеческий потенциал народа, нации, страны. В этом же контексте лежит интерпретация Т. Н. Заславской, по которой человеческий потенциал – это «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами» [3].

Следует отметить, что в структуре человеческого потенциала Т. Н. Заславская выделяет четыре взаимосвязанных, но относительно самостоятельных компонента: социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный.

Можно констатировать тот факт, что большая часть вышеприведенных интерпретаций человеческого потенциала не содержит строгих дефиниций, которые можно было бы использовать в социологическом исследовании, в котором интерпретация понятия и его операционализация носят логически связанный характер. Но самая главная проблема, возникающая при разработке подобных интерпретаций, заключается в том, что на основании их нельзя исследовать человеческий потенциал более мелких социальных общностей и групп.

В противоположность интерпретациям человеческого потенциала как потенциала народа, нации, страны, наблюдается следующая относительно распространенная группа интерпретаций человеческого потенциала, демонстрирующая склонность к психологическому редукционизму. В научной литературе встречаются интерпретации человеческого потенциала, апеллирующие исключительно к микроуровню социальной организации, личности отдельного человека, например, определение Е. В. Кочевой: «Человеческий потенциал – это способность индивида к самовыражению, самоактуализации и самореализации» [6].

Определение человеческого потенциала О. И. Иванова носит более генерализированный и аналитически развернутый характер: «Человеческий потенциал – сформированные во взаимодействии с социальной средой совокупности систем универсальных (общих) и специфических (специализированных) потребностей, способностей и готовности различных социальных общностей выполнять общественно-необходимые деятельности, основные социальные роли, функции, такие роли и функции, которые обеспечивают как преемственность, так и новации в развитии жизненно важных общественных сфер, а также в обществе в целом» [4]. Как мы видим, ученый выделяет три основных компонента во внутренней структуре «совокупности систем» человеческого потенциала:

- 1) потребности;
- 2) способности;
- 3) готовности.

Данные компоненты делятся О. И. Ивановым на две группы: 1) универсальные (общие); 2) специфические (специализированные). Далее констатируем, что компоненты в структуре человеческого потенциала определяются выполнением общественно-необходимой деятельности, основных социальных ролей и функций.

Следовательно, человеческий потенциал, так или иначе, должен проявляться или быть способным проявиться в конкретной жизнедеятельности тех или иных социальных общностей и групп. В данной связи возникает закономерный вопрос: а являются ли наличествующие в социальном субъекте, но не проявляемые свойства, способности и потребности частью его социального капитала? Из определения О. И. Иванова следует, что эти компоненты потенциальны, но так или иначе проявляемы в будущем, то есть они имеют некий «отложенный во времени» онтологический статус.

О. И. Иванов также выделяет несколько видов человеческого потенциала, исходя из его соотносительности с положением в социальной организации общества: «В совокупном человеческом потенциале общества можно выделить четыре вида потенциалов, каждый из которых существует относительно независимо от других, но в определенных обстоятельствах может взаимодействовать с ними: личностный потенциал; групповой (потенциал социальных групп, коллективов, деятельность которых осуществляется в организационных рамках в ограниченном социальном пространстве); потенциал различных социальных общностей (социально-демографических, социально-территориальных, социально-профессиональных, социально-классовых, жизнедеятельность представителей которых не регламентируется формальными и неформальными организационными рамками и протекает в разных точках, полях социального пространства); человеческий потенциал всего населения страны как особого рода социальной целостности. Последний из названных потенциалов – один из видов человеческого потенциала и не тождествен совокупному человеческому потенциалу общества» [4].

Следует отметить, что отечественные исследователи склонны дифференцировать человеческий потенциал на отдельные виды потенциалов, соответствующие основным сферам жизнедеятельности и общественного сознания. Наиболее часто выделяются следующие подвиды человеческого потенциала: экономический, социальный, политический, интеллектуальный, духовный, трудовой, научный, политический, культурный и др.

Следует констатировать, что человеческий потенциал демонстрирует свойство эмерджентности – несводимости свойств целого к свойствам его частей. Таким образом, человеческий потенциал группы не сводится к сумме потенциалов индивидов, человеческий потенциал общества в целом – к сумме человеческих потенциалов отдельных общностей и групп.

Дополним системные свойства человеческого потенциала в интерпретации Е. А. Катайцевой: а) человеческий потенциал – это системное явление, и он не может сводиться к простой сумме перечня качеств людей; б) для формирования и реализации человеческого потенциала определяющее значение имеют «внешние» по отношению к нему условия и факторы, характер среды его существования; в) для человеческого потенциала характерно наличие скрытых свойств, которые при изменении определенных условий могут проявиться; г) свойства человеческого потенциала обуславливают возможности человеческого развития как на ближайшую перспективу, так и в более отдаленном будущем [5].

Представляется также важным временной аспект анализа человеческого потенциала, позволяющий анализировать разворачивание его внутренней структуры во времени. Мы можем выделить следующие временные стадии актуализации человеческого потенциала, выступающие в качестве его темпоральных компонентов:

- 1) ретроспективный аспект: прошлое (ресурс);
- 2) актуальный аспект: настоящее (резерв);
- 3) перспективный аспект: будущее (потенция).

Пространственно-субъектная характеристика человеческого потенциала представлена в работе Г. Р. Гибадатовой: «Как отражение прошлого он определен как совокупность свойств, накопленных системой в процессе ее становления и обуславливающих ее способность к функционированию и развитию. В этом плане «потенциал» фактически принимает значение категории «ресурс». С точки зрения практического применения и использования наличных способностей человеческий потенциал характеризует настоящее. Это позволяет провести различие между реализованной и нереализованной возможностями и определить потенциал как «резерв». Наконец, он ориентирован на развитие (будущее), так как в процессе трудовой деятельности работник не только реализует свои наличные способности, но и приобретает новые. В этом смысле, представляя собой единство устойчивого и изменчивого, потенциал содержит в себе «потенции» будущего развития» [2].

Анализ вышеизложенных определений позволяет нам сформулировать собственную, авторскую интерпретацию понятия «человеческий потенциал». Человеческий потенциал – когнитивно-мотивационный комплекс потребностей, установок, мотивов, способностей и готовности индивида, группы или общности к практической реализации общественно-необходимых видов деятельности, функций и социальных ролей.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 21.
2. Гибадатова Г. Р. Человеческий потенциал и его роль в технологической модернизации российской экономики: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва. 2011. С. 11.
3. Заславская Т. Н. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 10.
4. Иванов О. И. Человеческий потенциал современной российской экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 140, 143.

5. Катайцева Е. А. Воспроизводство человеческого потенциала науки в условиях перехода к инновационной экономике: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Москва. 2010. С. 11.
6. Кочева Е. В. Статистическое исследование развития человеческого потенциала региона (на примере Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург. 2011. С. 9.
7. Луков В. А. К концепции интернет-проекта «человеческий потенциал России» // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 7. 2009. Биоэтика и комплексные исследования человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/7/Lukov/>
8. Луков В. А., Лапшин В. А. Человеческий потенциал и повседневность. Человеческий потенциал России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hdirussia.ru/326.htm>
9. Нуреев Р. М. Человеческий капитал и проблемы его развития в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 5–20.
10. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Том 3. № 4, сентябрь 2002. С. 19–20, 26.
11. Римащевская Н. М. Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» // Российский экономический журнал. 2004, № 9–10.
12. Римащевская Н. М.. Качественный потенциал населения России, взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34–35.
13. Юдин Б. Г. Концепция человеческого потенциала // Журнал «Знание. Понимание. Умение» [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/prospects/articles/2007/Yudin/3/#_ftn1.
14. Юдин Б. Г. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение. Сборник научных работ. М.: Институт человека РАН, 2002.

УДК 316.4(470.67)

Арсланова Зарема Абдулвагитовна

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

В статье приводятся результаты социологического исследования социально-профессиональной идентификации социальных работников. Анализируются основные критерии и показатели социально-профессиональной идентичности. Формулируются выводы и закономерности, характерные для социальных учреждений республики Дагестан.

Ключевые слова: социальная идентичность, социальная идентификация, социальная работа, анализ эмпирических данных.

Arslanova Zarema A.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIAL-PROFESSIONAL IDENTIFICATION FOR SOCIAL WORKERS IN DAGESTAN

The author offers the results obtained from a sociological survey into the social-professional identification of social workers. There is an analysis of the major criteria and indicators of social-professional identity. There are also some conclusions and rules drawn, which are typical of the social institutions in the Republic of Dagestan.

Key words: social identity, social identification, social work, empirical data analysis.

Социально-профессиональная идентификация исследуется нами как один из типов социальной идентификации. Термин «идентификация» был введен в научный оборот З. Фрейдом [3]. По мнению ученого, идентификация является прежде всего бессознательным процессом имитации,